

ДЕТСТВА ЗАПОВЕДНЫЙ УГОЛОК

...Все ближе и ближе день рождение нашего города. В этом году Новосибирску исполняется 125-лет, — доносился из телевизора бодрый голос телеведущего.

А мне вдруг подумалось, что когда я впервые увидел Новосибирск, он был почти вдвое моложе себя нынешнего.

Я откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, и меня начало уносить в места и времена, которые давно и безвозвратно остались где-то в далёком далеке и всплывали из глубин памяти крайне редко...

* * *

...Я вдруг увидел себя маленьким, лет пяти мальчонкой, восседающим, свесив ноги в коротких штанишках на помочах и ботиночках, на шее незнакомого дядьки, уносившего меня от трамвайной остановки в переплетенье кривых улочек и переулков из бараков, сколоченных наспех хибарок, засыпых. Рядом с дядькой семенила моя мама с небольшим чемоданом в руке и вещмешком за плечами. За ней — рослая тетка с большим узлом. По другую от меня сторону, чуть поотстав, шагал с пузатым баулом еще один мужик. Но этого я уже знал. Мама сказала, что он теперь будет моим папой.

Мама второй раз вышла замуж, и мы только что приехали в Новосибирск из города, где я родился и прожил первые свои годы. Нас встретила родня отчима и теперь куда-то вела по уличным лабиринтам. Наконец, дядька, которого я оседлал (а следом и остальные), свернул в узкий проход между двумя заборами и через минуту мы очутились возле овражного обрыва, недалеко от которого притулилась подслеповатая полуземлянка, отгороженная от оврага кривоватым штакетником.

— Ну вот, пришли, — ссаживая меня с плеч, удовлетворенно сказал дядька.

Я с опаской подошел к штакетнику и тут же отпрянул. Овраг был глубок и огромен. Без начала и конца. Потому и назывался, как потом я узнал, Кольцевым Логом. По обоим его берегам жили люди, а сотворенные ими улицы и переулки «впадали» в овражное русло, как большие и малые притоки в реку.

С Кольцевого Лога, Веревочной, Низменной, Мочищенского спуска и других прилегающих к оврагу улиц и началось знакомство и жизнь моя в новом городе, который отныне станет мне по-настоящему родным.

* * *

Было ли это место каким-то для Новосибирска особенно примечательным, а тем более уникальным? Вряд ли. Оврагов в городе хватало. Они глубокими морщинами и шрамами изрезали более половины города. Особенно его правобережную часть. А объединяло их то, что все почти они были населены. Жилища людей густо, как опенки лесные пни и валежины, обсиживали сырые овражные склоны, спускаясь по ним подчас до самого дна глубоких глинистых каньонов.

Еще со времен постройки Транссиба и железнодорожного моста через Обь селился здесь разношерстный люд, начиная от рабочих до маргиналов и сомнительных личностей всех мастей. Стихийно и хаотично, вопреки всяким официальным планам и дозволениям, из любого подручного материала они лепили свои «ласточкины гнезда», осваивая иногда такие неудобницы, что оставалось только диву даваться, как тут вообще можно что-то соорудить. Но соорудили. Не от хорошей жизни. Одни по крайней бедности своей. Другие

— избегая лишнего к себе внимания. Однако и те и другие вполне уживались в овражных трущобах, которые едва ли не со времен их возникновения народ коротко и емко окрестил «нахаловками»¹.

Кольцевой Лог был частью крупнейшей такой новосибирской нахаловки. Она брала начало у Чернышевского спуска, упиравшегося нижним концом в главную городскую пристань, и занимала побережье между железной дорогой и Обью до устья Первой Ельцовки, а далее — и овражистую пойму этой речки, уходящей в глубину городской плоти.

В Кольцевом Логу семья наша не задержалась. Вскоре приехала бабушка, купила дом и вытащила нас, как она говорила, из этой «вонючей ямы».

Лог и правда благоухал отнюдь не изысканными проматами, а «дышал» зловонными туманами испарений от помоев, разных нечистот, сваливаемых сюда бытовых отходов, мусора с городских строек... Когда наступало безветрие, становилось трудно дышать и слезились глаза. Другое дело «на поверхности», за пределами «ямы». Там дышалось куда вольготнее.

* * *

Купленный бабушкой дом находился всего в сотне метров от главной магистрали города — в том месте, где Красный проспект пересекал улицу Свободы. Соседние с нею улицы тоже носили звучные названия, связанные с революционными событиями или именами известных борцов за счастье народное — улица Парижской коммуны, имени Плеханова, Кропоткина... Как это было связано с Новосибирском — неизвестно, но звучало красиво.

Дома на этой территории были «плановыми», что давало в сравнении с нахаловским самостроем немалые преимущества. Жить, во-первых, легально, не прячась от властей, с пропиской, домовыми книгами, приусадебными участками. Во-вторых, при переезде иметь возможность нормально продать дом и вернуть затраченные на его покупку, а то и с некоторой прибылью, деньги. А при сносе получить от государства адекватную его настоящей цене компенсацию. В отличие от нахаловских лачуг, которые в случае чего можно было только отдать за гроши разве что на дрова.

Бабушкин дом с небольшой в несколько соток усадьбой расположился на взгорке, отчего казался немного выше соседних строений. Фасадом он выходил на улицу Свободы, от которой его прикрывал огороженный штaketником палисадник, заросший сиренью, черемухой и шиповником. Когда они цвели, дурманилась голова. За тесовыми воротами с калиткой прятался уютный дворник с тремя ранетками, сарай и огородик с густым малинником на задах. Дом был засыпной, но вполне еще добротный, с просторной комнатой, кухней и большой кладовкой, где хранились продукты, кадушки с солеными огурцами, помидорами, квашеной капустой.

Но главной достопримечательностью дома была русская печь. Настоящая русская печь — с подом, железной заслонкой, закрывающей ее устье, теплым лежаком наверху, ставшим безраздельно моей вотчиной (там я и спал на пару с кошкой, и играл). Бабушке, женщине крестьянских корней, печь эта особенно пришлась по душе. Подозреваю, что она и дом этот купила из-за русской печи, в которой и варила, и пекла, и все это было необыкновенно вкусно!

Но откуда в большом городе (а в Новосибирске уже тогда, к середине пятидесятых, жило без малого 800 тысяч) русские печи? Да очень просто. Крупнейший промышленный город Сибири в те поры наполовину оставался большой деревней. И если жители «нахаловок» не были обременены приусадебным хозяйством, то обитатели равнинных

---

¹ Существует впрочем, и другая версия авторства, утверждающая, что «нахаловками» местные трущобы назвал якобы сам император Александр III, однажды здесь побывавший.

улиц и дома имели справные, и несколько соток при них, позволявших иметь огороды для выращивания хотя бы самых необходимых для пропитания овощей и ягод, а так содержать же разную живность — от домашней птицы до свиней и даже коров.

Во многих дворах возвышались двухэтажные сараи с сеновалами. Здесь хранили сено, которые покупали на сенном рынке у Березовой рощи. Во дворе бабушкиного дома тоже имелся такой сеновал. Но поскольку семья наша скотину не держала, сеновал переделали в просторный одноэтажный сарай с небольшой мастерской, угляркой, невысокими полатами. В детстве я любил уединяться в его прохладных деревянных стенах.

Кормили скотину не одним сеном. Еще большее значение имела картошка. Она была самым необходимым и незаменимым продуктом как для животных, так и людей. Ее сажали и в полях за городом, и в самом городе. Когда приходила пора «ехать на картошку», город пустел. Дни посадки, окучивания или сбора урожая руководители предприятия неофициально объявляли нерабочими, выделяли автотранспорт. Да и как иначе, если производственные коллективы отправлялись «на картошку» едва ли не полными составами. В такие дни с раннего утра машины полные полусонных еще людей, мешков с семенной картошкой, нескончаемой вереницей шли мимо нашего дома. А на исходе дня та же кавалькада, только в обратном порядке и с песнями, возвращалась.

Сажали картошку и на приусадебных участках, в палисадниках, а то и вдоль заборов, захватывая часть улиц. За это ругали, участковый грозил штрафами. Но все оставалось по-прежнему. Летом окрестные улицы загорались картофельным цветом, от которого исходил едва уловимый аромат. Мама моя выращивала в нашем дворе настоящие цветы, красивые и благоухающие — царственные георгины и гладиолусы, изысканные хризантемы и астры, но запомнились почему-то не они, а скромные белые или бледно-голубенькие картофельные цветочки. Они и до сих пор остаются во мне как своего рода символ того далекого нелегкого послевоенного детства.

Картошка, овощи вообще хозяйство отнимали много времени и сил. Особенно в летнюю жару, когда огороды жадно требовали воды. Вечерами, в самое поливальное время у колонок выстраивались длинные очереди. А ведь чтобы напоить грядки, требовалось совершить за вечер к колонке всей семьей из нескольких человек не один рейс! Водяная круговерть заканчивалась обычно уже в глубоких сумерках. Напоенные огороды выдыхали испарения, в которых мешались запахи влажной земли и утолившей жажду огородной зелени.

А еще улицы моего детства были пропитаны запахом барды. Так называли отходы спиртзавода на улице Сухарной. Их охотно покупали владельцы крупного рогатого скота, и с удовольствием употребляла скотина. Барду развозили на телегах в больших, чаще деревянных, но иногда железных бочках. От них исходил дух кислого забродившего хлеба, и запряженные в повозки лошадки, косясь на бочки, жадно ловили трепещущими ноздрями волнующий запах.

С появлением первой зеленой травки скотину выводили на подножный корм. Едва ли не возле каждого второго двора ходили на привязи к вбитому в землю колу, пощипывая травку, то бычок, то овечка. Не хватало для полноты картины пастуха с многометровым сырмятным бичом в руке, вспарывающим воздух со звуком ружейного выстрела.

В общем, самая настоящая деревня, если б не трамвайные звонки, возвращавшие к городской действительности. И не было в той заметной сельской «окрашенности», на мой взгляд, ничего особенно удивительного. Окрестные крестьяне постоянно подпитывали новосибирский рабочий класс. Но, вливаясь в ряды пролетариата, они еще долго оставались крестьянами и в образе жизни, и привычках, и вообще менталитете своем.

Бабушкин дом от магистрали отделял овраг. Он ответвлялся от глубокой поймы Ельцовки, перерезавшей в этом месте Красный проспект, и шел ему параллельно до самой улицы Свободы. Но если пойма на всем протяжении была довольно плотно заселена, то

овраг оставался необитаем. Что позволяло мне почти безбоязненно осваивать его крутые склоны, воображая себя путешественником-первооткрывателем или кем-нибудь еще в том же духе. Этот «домашний» овраг стал по существу моей первой в Новосибирске детской игровой площадкой.

При этом овраг не был так уж безопасен. Время от времени осыпались его склоны, грозя накрыть с головой комьями сырой глины. Можно было запросто поскользнуться и очутиться по пояс в грязной жиже текущего по дну ручья. Шныряли во глубине овражной еще и здоровенные крысы и запросто могли покусать. Но случались и вовсе страшные вещи.

Однажды поздней осенью в овраге, как раз напротив бабушкиного дома, нашли раздетый до трусов мужской труп с многочисленными ножевыми ранами. Казалось бы, центральная улица, а поди ж ты..

В криминальном отношении пятидесятые годы были временами очень даже беспокойными. Грабили, разбойничали, раздевали в ту пору в городе нередко. С работы после второй смены по одному старались не ходить...

* * *

И все-таки здесь, возле Красного проспекта, жить было гораздо лучше, чем в «яме». Еще и потому, что на этом участке главной улицы города ходил трамвай. Один из двух маршрутов, пролежавших по проспекту, начинался у клуба имени Кирова, другой — у горбольницы (впоследствии его продлили до улицы Учительской), а заканчивались оба в центре, за Оперным театром, куда трамваи добирались довольно сложным путем. В районе нынешней площади имени Калинина маршруты сходились, устремлялись в одной трамвайной колее к Транссибу пересекавшего Красный проспект, а там сворачивали вправо и продолжали движение вдоль железной дороги, зажатые с одной стороны насыпью, а с другой — хибарами у начинающегося здесь Кольцевого Лога. Путепровода на месте пересечения еще не было. Его заменял переезд, возле которого ввиду интенсивности железнодорожного движения скапливалось с обеих сторон множество машин. Потому и трамваю приходилось делать такой зигзаг. Нечто вроде крохотного путепровода под насыпью имелось в районе улицы Ленской. Прижав дугу, как собака уши, почти до самой крыши, трамвай с трудом протискивался через эту каменную щель и выбирался, наконец, к той самой остановке, от которой на чужих закорках я совершал свой первый путь в Кольцевой Лог. Вырвавшись из теснин, трамвайчик по Ленской бодро добежал до Турухановской церкви (нынешний Вознесенский кафедральный собор), делал еще один поворот в сторону Центрального рынка, выходил на улицу Мичурина, по которой мимо парка имени Сталина и подкатывал к трамвайному кольцу за Оперным.

С постройкой путепровода схема движения, конечно, значительно упростилась: трамваи теперь, миновав его, выворачивали по улице Писаревой сразу на Мичурина, намного сокращая путь. Но это будет позже, а пока трамваи моего детства ходили таким вот заковыристым маршрутам. Мало того, еще и движение было однопутным. На каждой второй остановке был разъезд, на котором прибывший первым трамвай ждал появления с противоположной стороны второго. Смотря по обстоятельствам, ожидание могло затянуться. Мужики выходили покурить и размяться.

Помню хорошо и сами трамвайчики. Деревянные, и снаружи и изнутри, прохладные летом, но насквозь промерзавшие зимой, состояли они обычно из двух вагонов, соединенных металлической сцепкой. Двери открывались и закрывались вручную. Ходили трамваи по разным причинам с задержками, невысокой скоростью, часто ломались, сходили с рельсов. В их ожидании на остановках, особенно в часы пик, скапливалась уйма народу. Когда долгожданный трамвай появлялся, его брали штурмом. Люди до отказа забивали пассажирский салон, гроздьями висели на подножках, облепляли зад трамвая, упираясь ногами в буфер. А особо отчаянные ухитрялись даже влезать на

крышу вагона, рискуя задеть дугу или контактный провод. Поскольку скорость трамвая была невысока, пассажиры по своему хотению спрыгивали на ходу, где кому удобно. К концу пятидесятых, когда я уже учился в младших классах, довоенные деревянные вагоны стали вытеснять цельнометаллические с автоматическими дверями, и трамвайная вольница начала сходить на нет.

Деревянные трамвайчики моего детства запомнились, помимо прочего, одной важной для нас, послевоенных пацанов, деталью. Двух или трех -вагонный состав завершала выступавшая из-под днища полуметровая чугунная «колбаса» — буфер сцепки. В середине дня, когда заканчивались уроки в школе и пассажиропоток резко уменьшался, а «колбаса» освобождалась от взрослых любителей прокатиться на свежем воздухе, ею завладевали пацаны, пускаясь в увлекательные покатушки. Я и сам совершал их с удовольствием не раз. Иногда такие путешествия были продиктованы необходимостью. Когда, например, получал от матери раз в неделю рубль на кино и тридцать копеек на дорогу в один конец, да еще от бабушки полтинник в придачу. Детский кинотеатр «Пионер» располагался в самом центре и вставала дилемма: добираться туда и обратно честным билеченным пассажиром, или... Всегда безоговорочно побеждало «или», ибо доехать можно было задаром на «колбасе», а сэкономленные средства пустить на мороженое.

В ноябре 1957 года, в самый канун сорокалетия Октябрьской революции в Новосибирске появился троллейбус. Он напоминал, трамвай в цельнометаллическом варианте, только вместо дуги, снимавшей ток, имел штанги-«рога», со свистом скользившие уже по двум, вместо одного у трамвая, параллельным проводам. А еще из-за приплюснутого и закругленного с обеих сторон кузова троллейбус походил на буханку хлеба. Зато радовал глаз (верх белый, низ синий) своим окрасом, когда с легким жужжанием катил по Красному проспекту по первому своему маршруту от городского аэропорта до улицы Мостовой (там, где сейчас Южная площадь и автовокзал).

Первые троллейбусы Новосибирска не отличались просторностью и комфортом и, конечно же, не шли ни в какое сравнение с современными изящными бесшумными комфортабельными красавцами, похожими на благородных оленей. Но и тогдашние «буханки» казались нам чудом техники и прогресса, заставляя гордиться нашим замечательным городом.

* * *

Что представлял собой в пятидесятых годах отрезок Красного проспекта между нынешней площадью Калинина и железнодорожным переездом на пересечении с улицей Линейной? Этакую ложбину между двумя плоскогорьями, по дну которой была проложена трамвайная линия, а параллельно ей с каждой стороны обычные грунтовые дороги. По весне и осени они часто раскисали так, что машины застревали на них и буксовали. В пик распутицы заливало и трамвайные рельсы. Тогда казалось, что трамваи плывут по хляби.

Лишь в середине пятидесятых проезжую часть проспекта взялись приводить в порядок: мостить дорожное полотно, вести дренажные работы с последующим устройством ливневой канализации, устанавливать гранитные бордюры... А когда на месте переезда появился путепровод, взялись и за реконструкцию трамвайной линии: Убрали разъезды, сделав ее двухпутной.

Мне не было тогда и десяти лет, но я хорошо помню, как все это происходило.

На обновлении проспекта трудились люди разных дорожно-строительных профессий. Я любил наблюдать за ними. Особенно за рабочими, мостившими проезжую часть. Мужики в запыленных спецовках и кепках выбирали из сложенных по обочинам пирамидок гранита подходящие на их взгляд светло-серые в черную крапинку камни, держа на весу в ладони, облаченной верхонкой, обстукивали со всех сторон молотком,

отсекая лишнее, потом клали на песчаную подушку дорожного полотна, плотно притискивая к уже уложенным булыжникам. А потом вся процедура повторялась сначала. Уложив таким образом пять или шесть камней, мастера брались за деревянные киянки, которыми подгоняли их друг другу, выравнивали булыжные строчки. А когда накапливалось два-три новых ряда в ход шли тяжелые трамбовки — нетолстые полуметровые сутунки с прибитыми к одному из торцов деревянными ручками. Трамбовками мостовики укрепляли дорожную поверхность, избавляли ее от бугров, выступов, заусениц. Мастерам помогали подсобные рабочие. Двое выстраивали из камней пирамидки, подносили в «окорятах» песок. Еще один разбрасывал его ровным слоем.

Несмотря на малочисленность, работала бригада споро. Раскрыв в восхищении рот, я любовался каждым их выверенным точным и по-своему изящным движением. Мостовики с улыбкой косились на меня, а один из них, коренастый крепкий мужик с кирпичного цвета грубым лицом однажды поманил меня пальцем и сказал: «Неча попусту глазеть. Принеси-ка лучше водички!» И протянул четырехлитровый алюминиевый бидон. Я помчался на колонку. И не раз еще, пока они мостили дамбу через Ельцовку, носил им воду.

Работа кипела не только на поверхности дамбы, но и внизу, у самой речки. Дамба появилась недавно. Еще в двадцатых годах здесь хотели построить мост, но, говорят, неблагоприятные геологические условия не позволили это сделать, и в первой половине пятидесятых берега Первой Ельцовки соединила высокая насыпная дамба с бетонным тоннелем для пропуска речных вод.

Дамба имела для города очень большое значение. Во-первых, намного спрямляла и сокращала путь к городскому аэропорту. Во-вторых, давала выход трамвайным, а в будущем и троллейбусным маршрутам к жилым районам вокруг крупных промышленных предприятий на севере (заводы №69 — он же имени Ленина и №92, позже НПО «Союз»), северо-западе (кожевенно-обувной и мясокомбинаты) и северо-востоке (нынешний завод НЗКХ) Новосибирска.

Одна дамба к этому времени уже существовала в районе Большой нахаловки. Она соединяла улицы Владимировскую и Сухарную, давая прямой выход из центральной части города к кожевенно-обувному и мясокомбинату. Но наша, была крупнее по габаритам и важнее.

Чуть в стороне, в направлении Сухого Лога имелся еще один переход, соединявший берега Ельцовского каньона. В народе его называли почему-то «Солдатский мостик», но слово «мостик» к нему совсем не шло. Это было внушительное металлическое сооружение — нечто вроде акведука с проложенными внутри трубами. Они выходили из-под земли в створе улицы Кавалерийской с одной стороны каньона и снова уходили в землю с другой. Конечной целью их маршрута был скорей всего завод имени Ленина. Поверхность же акведука использовалась его рабочими как пешеходный мост, значительно укорачивающий путь от проходной до родного жилья (значительная часть заводчан жила в частном секторе, прилегающем к берегам Ельцовки). А нами, пацанами, «Солдатский мостик» использовался еще и по другому назначению: Снежными зимами мы любили прыгать с его железных конструкций в наметенные под опорами глубокие сугробы. Сердце замирало в короткие промежутки меж полета. Адреналин зашкаливал!

Пока сверху дамбу «одевали» в булыжник, внизу бетонировали устье тоннеля. Растворный узел находился в стороне на возвышении, метрах в двухстах от дамбы. От него к самой речке были проложены извилистые деревянные мостки. По ним мужики в серых робах, напряженно вцепившихся в ручки тачек, почти до краев заполненных жидким бетоном, рысцей на полусогнутых спускались, маневрируя на дощатых изгибах единственным колесом тачки, к устью. Здесь тачки опрокидывали, освобождаясь от груза, и уже налегке возвращались назад. С двадцатиметровой высоты дамбы мужики с их тачками казались мне муравьями в каком-то бесконечном сказочном хороводе.

Когда дома вечером я интересовался у матери, кто они, она коротко отвечала: «Зэки!» — И добавляла: — И нечего туда бегать!» А бабушка объяснила, что этих людей наказали, и они тяжелым трудом отмаливают свои грехи. Мне было жалко «муравьев», и я хотел хоть как-то им помочь. Когда однажды бабушка напекла пирогов с луком и яйцами (а она летом часто это делала), я несколько штук завернул в газетку, украдкой налил в бутылку квасу и отправился к Ельцовке. Окольными путями я почти достиг растворного узла, но был перехвачен охранявшим эзков солдатом с карабином за плечами. Невдалеке маячил еще один. Солдат забрал у меня пироги и квас, смеясь, покачал головой, когда узнал, кому они предназначались, и позвал напарника. Запивая квасом, они ели пироги, а я рядом глотал слезы. Увидев мое смятение, солдат, конфисковавший мои продукты, успокаивающе потрепал по затылку: «Их этим все равно не накормишь, да и не положено, а нам с корешем в самый раз. Хорошие пироги, спасибо бабушке! Но ты сюда лучше больше не суйся. Зона, все-таки...»

Первая Ельцовка была далеко не единственным местом в Новосибирске, где трудились заключенные. Они много чего в разных местах города строили. Та же «Богданка», например. Я хорошо помню высоченные глухие дощатые заборы, увенчанные колючей проволокой, сторожевые вышки с часовыми — «вертухаями», как их называли. Вдоль них спешил по своему пятому маршруту желтый трамвайчик. Пока я ехал до своей остановки, только эту серую деревянную крепость и видел. А что там скрывается за ней — и предположить не мог. Выходил я на остановке «Школа» (в районе нынешнего Дворца культуры имени А.М. Горького). Здесь на первом этаже одного из домов располагался магазин «Молоко», где продавалась много разной молочной продукции, в том числе и такой, какую практически невозможно было сыскать в остальном Новосибирске. Например, обалденного вкуса «сырковой массы» с изюмом — моего любимого молочного лакомства. Со временем заборы-крепости исчезли и открыли взору красивейшую улицу с прекрасными архитектурными ансамблями, которой и сегодня гордятся жители нашего города.

От той мостовой на дамбе через Ельцовку, погребенной более поздними наслоениями крупного щебня и асфальта, тоже не осталось и следа, а мне нет-нет, да и приснятся те угловатые еще, серые в крапинку булыжники, уложенные в свежий песок, и услышится в ночной тишине перестук молотков, которыми мастера обрабатывали гранитные камни...

А еще будут плыть в моих снах гигантские, метров до полусотни длиной и пять-семь высотой, темно-синие резиновые цилиндры, наполненные легким летучим газом, похожие на фантастических животных. Их, притороченным к таким же длинным металлическим тележкам на резиновом ходу, везли в сопровождении вооруженных солдат, утром в сторону аэропорта, а поздно вечером обратно, в Военный городок, за Каменку, неторопливые смирные лошадки. Это были аэростаты воздушного ограждения, до конца пятидесятых годов входивших в состав войск ПВО.

Дорожное полотно на Красном проспекте между Транссибом и площадью Калинина переделывалось впоследствии не раз. Наиболее, пожалуй, радикальной реконструкции подверглось оно в семидесятых годах, когда убрали с него трамвайные пути и превратили проезжую часть в гладкий асфальтированный — хоть боком катись — многополосный автобан, полностью отданный автомобилям, автобусам и троллейбусам.

* * *

Что касается «плоскогорий» по обеим сторонам Красного проспекта, то были они, повторюсь, сплошь одноэтажные и деревянные. Каменных зданий имелось всего три или четыре, в том числе приземистые корпуса двух крохотных предприятий: стекольного заводика по изготовлению бутылок по одну сторону проспекта и кроватиной фабрики — по другую. Ах, да — несколько позже появилась еще и мастерская по изготовлению

ритуальных принадлежностей — могильных памятников, оградок и венков. Этими «предприятиями» промышленный потенциал здешних мест и ограничивался.

Ну, а самым большим и высоким зданием обоих «плоскогорий» была 85-я школа. Своими четырьмя кирпичными неоштукатуренными этажами она как большой корабль возвышалась среди деревянных домишек-«лодочек», и была видна далеко окрест. В сентябре 1953 года я пришел сюда «первый раз в первый класс» и семь лет провел в ее стенах. Завершал я свое среднее образование на другом краю Заельцовского района — в школе с зеркальным номером 58, но учебной моей «колыбелью» была именно 85-я.

Построили ее в тридцатые годы, а в Великую Отечественную, как и целый ряд других новосибирских школ, она превратилась в эвакуогоспиталь. После войны ее здание снова стало учебным. Правда, не полностью школьным. Два первых этажа занимало педучилище, а наши классы располагались на третьем и четвертом. Со временем училище перевели в другое место, и 85-я осталась безраздельной хозяйкой всего учебного корпуса.

В наши дни школа №85 носит красивое название «Журавушка». Ее учащиеся совмещают учебу с музыкой. В школе работает известная далеко за пределами хоровая студия. Но руководители 85-й почему-то летоисчисление своего учебного заведения ведут лишь с 1994 года и, похоже, даже не подозревают, что и музыкальные традиции школы были заложены задолго до этой даты. Еще в начале пятидесятых в 85-й существовал прекрасный хор. Я тоже несколько лет был его участником, выступал вместе с хором в разных аудиториях города.

А еще школа была постоянным агитпунктом и местом проведения выборов в органы власти. Здесь читались лекции, выступали кандидаты в депутаты, устраивались концерты художественной самодеятельности, показывали фильмы. А когда приходило время выборов, в актовом и спортивном залах, а так же в нескольких классных комнатах устанавливались фанерные кабинки с плюшевыми занавесками, урны с прорезями, и с шести утра до полуночи народ тянулся сюда со всего околотка, начиная от Кольцевого Лога, чтобы выполнить гражданский долг. Голосовать я по малолетству не имел права, но всегда охотно сопровождал бабушку. Школа в дни выборов преображалась, расцветала флагами и транспарантами. Далеко по округе разносилась бодрая праздничная музыка, и настроение у голосующих тоже было праздничное. Выборы проходили обычно в середине весны, когда бурно таяли сугробы, звеня и искрясь, бежали ручьи, и это еще больше добавляло мажорности происходящему. В школе работали буфеты, где продавалась разная вкусная снедь, выпечка, конфеты, и бабушка мне обязательно чего-нибудь покупала. А потом мы шли с ней в школьный актовый зал на концерт. Я и сам иногда вместе с хором выступал перед избирателями.

В пределах наших «плоскогорий» 85-я школа долгое время оставалась не только единственным общеобразовательным заведением, но и, как бы сейчас сказали, «культурно-развлекательным и досуговым центром». Была, правда, на другом берегу Ельцовки, на пересечении Красного проспекта и улицы имени Дуси Ковальчук, еще и 55-я — такая же большая, четырехэтажная школа, но она находилась уже как бы за границами нашего жилого района.

На «плоскогорья» наши ожно было подняться по двум с каждой стороны деревянным лестницам. Машины, развозя по дворам уголь, дрова или картошку по осени, ехали кружным путем.

Но это не касалось бабушкиного дома, находившегося в непосредственной близости от проспекта и имевшего очень удобный подъезд. Выгодность его местоположения по достоинству оценила и молочница тетя Катя. Каждое утро она привозила на грузовичке-трехтонке фляг пятнадцать-двадцать молока. Мужик-шофер выгружал их неподалеку от наших ворот, и тетя Катя зычным голосом оповещала округу о своем прибытии: «За молоком! За молоком!..» Старики и ребятишки со всех окрестных дворов подтягивались к ее флягам с разнокалиберной посудой. Тетя Катя натягивала на себя поверх одежды не первой свежести белый застиранный халат, откупоривала ближайшую флягу и торговля

начиналась... Работала она виртуозно, можно сказать, артистически. Литровый черпак-мера мелькал в ее руке, а наполненные молоком бидоны и стеклянные банки только отлетали. Иногда тетя Катя оставляла пустые фляги на ночь у нас во дворе, если задерживалась с распродажей. По этой причине и потому что торговля шла возле нашего дома, я имел привилегию не стоять в очереди. Завидев меня, тетя Катя подзывала к себе и наполняла мой бидон. Возражений не принимала, да перечить ей охотников особо и не находилось. Постоянные клиенты (а такими здесь были практически все) ее крутого нрава остерегались.

В послевоенные годы покупка продуктов первой необходимости была святой обязанностью стариков и детей. И по большей части именно старых и малых можно было увидеть в очередях за молоком, а особенно за хлебом. Я тоже немало времени провел в них. Не могу назвать точной причины тех очередей. Сказывался, конечно, продуктовый дефицит послевоенного времени. С другой стороны, и магазинов, тех же булочных, тоже не хватало. На оба наших «плоскогорья» был всего один хлебный магазин, расположившийся неподалеку от 85-й школы возле переезда. За синий цвет, которым постоянно красили это деревянное строение, народ окрестил его «синеньким».

Почти каждое утро здесь выстраивалась длинная очередь. В помещение булочной она обычно не вмещалась, и хвост ее живой змеей извивался по улице. Стоять в ожидании, пока подвезут свежий хлеб, приходилось подолгу, часа по два иногда. И пока попадал в тесное помещение магазина, успевал зимой, или сырой холодной осенью продрогнуть до костей, а в летнюю жару изойти потом. Зато потом, когда доходил, наконец, до прилавка и, подав продавщице деньги, получал взамен теплую еще, сжимающуюся в ладонях подобно губке буханку, испытывал настоящее счастье. Домой возвращался с чувством выполненного долга, обгрызая по пути со всех сторон килограммовый хлебный кирпич и наслаждаясь хрустящей корочкой. Местное население (и я в том числе) покупало обычно хлеб второго сорта по рубль шестьдесят (в дореформенных ценах — до 1961 года) за булку. Первого сорта, по два сорок, брали редко — все-таки на треть дороже. А к чаю предпочитали либо сайки, либо «посыпушки».

Сколько уж времени утекло с тех пор, а непередаваемый вкус и запах той хрустящей хлебной корочки до сих пор остается во мне!..

Не могу не сказать несколько слов о склонах наших «плоскогорий». Это сейчас они красиво выровнены, ухожены, засажены газонной травкой. А тогда представляли собой первозданные, нетронутые еще рукой человека, достаточно крутые, высокие обрывы и скаты. И были прекрасным местом для ребячьих развлечений. Особенно зимой. С этих склонов скатывались мы на санках или лыжах. А то и просто на собственном заду, превращаясь к концу пути в снежный ком. Впрочем, самые отчаянные испытывали себя уже не здесь, а на склоне дамбы через Ельцовку. Она была выше и круче. По ней параллельно друг другу пролегали две лыжни, одна из которых была с небольшим трамплинчиком. Далеко не каждый пацан отваживался хотя бы просто спуститься туда, к самой Ельцовке, а тем более еще и прыгнуть по пути с трамплина! Успех в удачном преодолении и вовсе сопутствовал единицам. Таких отчаюг знали в лицо, смотрели, как на героев. Но сколько сломано было здесь лыж и покалечено пацанов в безуспешном риске повторить их успех!..

Не стану утверждать, что оба «плоскогорья» сосуществовали в гармоническом единстве. Каждое жило по своим, хотя и во многом похожим уличным законам. Что ощущалось даже в школе, где ребята с Кропоткинской или Дёповской держались особняком от тех, кто жил на Плеханова и других прилегающих к 85-й улицам. Мелкие стычки и на переменах и после уроков происходили постоянно. А иной раз они перерастали в куда более масштабные боевые действия. Раза по два в год либо кропоткинские со своими союзниками шли войной на плехановскую коалицию, либо наоборот. Бои разворачивались нешуточные. В ход шли не только кулаки, но и палки, разные железяки, поджиги, а у парней постарше кастеты, ножи и даже огнестрельное

оружие в виде воздушных и мелкокалиберных винтовок. А как-то, помню, у одной из воюющих сторон в арсенале оказалась пара трехгранных штыков еще, наверное, времен русско-турецких войн. Поэтому синяками, разбитыми носами и губами дело не обходилось. Бывали раны и увечья посерьезней. Заканчивались же сражения практически одним и тем же. Когда страсти накалялись до предела, появлялась, наконец, милиция и быстро рассеивала бойцов. Особо рьяных и заводил бросали в «воронки» и отвозили в отделение разбираться. Кто-то вскоре возвращался, а кому-то за злостное хулиганство или незаконное использование оружия срок и срок давали. После этого все затихало до следующего раза...

В шестидесятые годы «плоскогорья» наши начали преобразовываться, из деревянных превращаться в каменные, обретая постепенно уже ставший привычным современным горожанам вид. Когда в начале семидесятых после почти десятилетнего отсутствия я вернулся в Новосибирск, я не узнал их. Исчезли, точнее сгладились и облагородились обрывы. Наверх теперь вели не шаткие и скрипучие, а несокрушимые каменные лестницы. Обе стороны Красного проспекта облачились в архитектурные новинки того времени, придававшие ему очень современный урбанистический и при этом весьма торжественный, парадный вид. А в их тылу вырастали во множестве кирпичные и панельные девятиэтажки, решительно вытеснявшие «деревяшки».

Возвышавшееся когда-то в гордом одиночестве здание 85-й школы теперь затерялось среди окруживших ее многоэтажных акселератов. А в семидесятых годах ей, задыхающейся из-за стремительно растущего населения округа от наплыва учащихся, пришли на помощь одна за другой три новеньких, «с иголочки», школы: 13-я и 74-я, расположившиеся визави по обеим сторонам улицы Кропоткина, и 33-я (ныне гимназия №9) по соседству с 85-й.

В процессе урбанизации и трансформации деревянной, часто хаотичной застройки в большой современный жилой массив исчез на «плоскогорьях» ряд улиц и переулков. Осталось фактически только две: идущая вдоль Транссиба Линейная, часть которой заняла впоследствии платформа пригородных электричек «Гагаринская», и Кропоткина. Последняя, утыкавшаяся когда-то в обрыв, благодаря планировке местности и серьезным земляным работам при строительстве жилмассива получила выход к Красному проспекту, который она теперь соединяет с улицей Авиастроителей (бывшая Жданова) в Калининском районе. А раскинувшиеся на наших «плоскогорьях» новостройки стали именовать Кропоткинским жилмассивом. Название это напрашивалось само собой, поскольку на стержень улицы Кропоткина на всем ее протяжении, как куски шашлычного мяса на шампур, нанизывались все новые кварталы.

Фактически исчез и выходивший на Красный проспект участок улицы Свободы. В конце шестидесятых овраг засыпали, бабушкин домик снесли, и на его месте построили кирпичный девятиэтажный дом с детским магазином «Орленок» внизу. А в 1986 году, когда ввели в эксплуатацию метро, неподалеку от «Орленка» появился один из выходов станции «Гагаринская».

Покупая в далекие пятидесятые дом у оврага, бабушка моя и помыслить не могла, какие удивительные превращения ждут эти места!

Жилмассив, между тем, успешно наступал не только на равнине. Съедая и сглаживая обрывы, он настойчиво месяц за месяцем, год за годом спускался к Ельцовке. И вот уже она почти на всем протяжении упрятана в трубу. А над нею на обоих берегах шумит многоголосье новостроек.

Не узнать и нашу дамбу. Она сильно уменьшилась в росте. А там, где лихие пацаны, рискуя свернуть себе шею, скатывались когда-то на лыжах, появился торгово-развлекательный центр «Роял-парк»...

* * *

Ну, а предвестниками и первыми ласточками строительного бума семидесятых-восьмидесятых годов стали уже легендарные ныне жилые семиэтажки на пересечении Красного проспекта и улицы имени Дуси Ковальчук. Дополненные впоследствии «домом-книгой» завода имени Ленина и Домом проектных организаций, они образовали одну из самых красивых площадей Новосибирска, которая и поныне носит имя «всероссийского старосты» М.И. Калинина.

Одну семиэтажку заложили в начале пятидесятых и возводили как минимум пятилетку. Так же неспешно строили и другую — на противоположной стороне, возле 55-й школы. В отсутствие строителей (выходные, праздники) мы с друзьями днями напролет пропадали здесь. С верхних этажей деревянный город с редкими каменными островками просматривался далеко и хорошо. Идущие по Транссибу поезда, а по проспекту трамваи и автобусы казались сверху игрушечными. От высоты начиналась кружиться голова, а ветер, если повернуться к нему лицом, заставлял глаза слезиться. Лабиринт улиц и переулков вперемешку со шрамами оврагов и поблескивающей лентой Ельцовки казался огромным рукотворным макетом.

С противоположной, северной стороны семиэтажки пейзаж был скучнее: уходящие к горизонту серые и безликие производственные корпуса, заводские кирпичные трубы вдали, за которыми, знали мы, текла Вторая Ельцовка, а за ней был городской аэропорт. Ее тоже перегораживала дамба — значительно меньшая по размерам, зато образовывавшая довольно приличную запруду, где летом днями напролет купались дети и взрослые со всего Заельцовского района.

На западе — та же деревянная полудеревня, втиснутая в узкое пространство между правым берегом Первой Ельцовки и правой же стороной улицы Дуси Ковальчук. А левая ее сторона почти на всем протяжении до мясокомбината, за исключением нескольких кирпичных жилых домов и трехэтажной школы №24 в районе Холодильной, оставалась незастроенной. Возможно по той, тогда еще важной причине, что почти вплотную подступал прекрасный сосновый бор. Он простирался до Второй Ельцовки, и дальше, сливаясь с лесным массивом между Заельцовским парком и городским аэропортом. А у остановки «Стахановская» (позже — «Плановая») выходил прямо к трамвайным рельсам.

Весной, когда сходил снег, в низинках образовывались небольшие озерца с талой водой и до самого лета, пока они не подсыхали, пацаны устраивали здесь гонки или «морские бои» на плотках, сооруженных из всяких подручных материалов. Выйти сухим удавалось не всегда. Самодельные суда, случалось, переворачивались, сталкивались, или просто разваливались, и тогда их капитаны оказывались в холодной воде. Но это не отбивало охоту снова и снова возвращаться сюда.

Восточным своим крылом улица Дуси Ковальчук выходила к горбольнице. Пока не развернулось строительство «Богданки» и не насыпали у Сухого лога еще одну дамбу через Ельцовку, точнее ее безымянный приток-ручей, связывающую восточную окраину Новосибирска с его «материковыми» районами, городская больница была конечным пунктом общественного транспорта.

Впрочем, визитной карточкой этой части улицы Дуси Ковальчук было совсем другое. Всю ее северную сторону, от завода Ленина и до Сухого лога занимал легендарный НИВИТ. Его корпуса с верхотуры строящейся семиэтажки смотрелись внушительно.

Аббревиатура этого крупнейшего на то время учебного заведения нашего города расшифровывалась просто — Новосибирский институт военных инженеров транспорта. Первых студентов он принял в октябре 1932 года и назывался поначалу Новосибирским путейским институтом инженеров транспорта. А НИВИТом стал именоваться два года спустя и пробыл им до 1953-го, когда при преобразовании его уже в сугубо гражданский вуз, получил новое имя — НИИЖТ (институт инженеров железнодорожного транспорта), которое носил потом целых сорок лет! В Великую Отечественную войну более тысячи его

курсантов и преподавателей ушли на фронт. Многие погибли, трое стали Героями Советского Союза.

Одним из тех, кто в декабре 1941 года оказался на полях сражений под Москвой, был и третьекурсник НИВИТа Геннадий Падерин — в будущем известный новосибирский писатель. Сам же НИВИТ и в годы войны продолжал готовить специалистов-железнодорожников. Правда, по ускоренной программе.

В довоенную пору НИВИТ занимал всю территорию от Красного проспекта до горбольницы. Но с началом войны институт заставили потесниться, передав ту его часть, которая выходила на Красный проспект, эвакуированному заводу №69. Общежития остались на прежнем месте по улице Дуси Ковальчук, а обучение до середины пятидесятых годов, пока не ввели в строй в 1955 году первую очередь главного корпуса на улице Дуси Ковальчук, велось в одном из зданий на Советской.

Обо всем этом я узнал из различных источников гораздо позже, но какие-то страницы истории этого института были прочитаны моими и собственными глазами. Так, я успел застать то время, когда нынешний СГУПС был еще НИВИТом, а его студенты — курсантами. Мне частенько приходилось видеть их на улице Дуси Ковальчук и Красном проспекте в добротных черных суконных шинелях или кителях, фуражках с сияющими железнодорожными кокардами и медными бляхами на кожаных ремнях. Эту полувоенную форму нивитовцам бесплатно выдавали на весь шестилетний срок обучения. Таким же бесплатным было для них проживание в институтских общежитиях, кормежка. Ко всему прочему, им полагалась еще и солидная стипендия в семьсот рублей. Для сравнения уборщица зарабатывала в два раза меньше, а моя мать, библиотечарша, получала четыреста рублей. Мы, мальчишки, этим бравым подтянутым парням страшно завидовали. Да и мама не раз говорила мне: «Вот куда надо поступать после школы! Будешь одет, обут, сыт и настоящую мужскую профессию получишь». Я соглашался и не раз в мечтах своих примерял на себя курсантскую шинель. Увы, и форму, и почти все курсантские льготы к началу шестидесятых отменили, обрушив голубую мечту моего детства.

На моих глазах менялся и архитектурный облик института. Сначала воздвигли монументальный главный корпус с могучей в античном духе колоннадой. Потом, продолжая друг друга, как гусеничные сочленения, стали появляться пристройки на улице Залесского, держа направление на горбольницу...

НИИЖТ моей альма-матер так и не стал. После школы я предпринял попытку поступить на факультет «Мосты и тоннели» и потерпел неудачу. Подвела математика. Но в институт я все-таки попал. Правда, в качестве лаборанта лаборатории мостовых конструкций того же факультета. Я проработал здесь год. Познакомился с рядом преподавателей, которые совмещали педагогическую работу с научной, исследовательской. И был неплохой шанс в новой попытке поступления. Но меня уже влекла иная стезя.

Впрочем, это уже совсем другая история...

* * *

—...Сегодня Новосибирск — один из самых крупных и современных российских городов. И он продолжает расти, обновляться, менять свой облик. Рвутся в небо этажи высоток, радуют глаз новые благоустроенные жилмассивы, растут, как грибы, торгово-развлекательные центры... Все меньше остается примет прежнего полудеревянного Новосибирска... — снова донесся до моего слуха голос телеведущего, возвращая меня к существующей реальности.

«Да, конечно, все так!» — возвращаясь из полузабытья, соглашался я с ведущим, но и не мог, в то же время, до конца разделить его радости по поводу бесповоротного расставания города со своим прошлым. Ведь с ним невозможно расстаться раз и навсегда.

Оно в любой момент может напомнить о себе». Конечно, места моего детства преобразились до неузнаваемости, однако каждый раз, когда я выхожу из метро на «Гагаринской», у меня начинает сладко ныть сердце. И сквозь неумолчный в любое время года и суток гул Красного проспекта донесется вдруг до меня сквозь толщу лет не сравнимый ни с чем дух тех улиц послевоенной поры с деревянными домами и заборами, запахом сена, огородной зелени и пьянящей барды.

И ностальгические слезы сами собой навернутся на глаза...